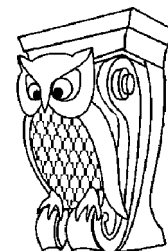

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 217–223
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 217–223
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

Научная статья
УДК [[338.45:355.02]:339.97:323.276](560)|2016|

Национальная политика развития ОПК в Турции в контексте трансформации внешнеполитических условий после попытки государственного переворота 2016 года

И. З. Нафиков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55

Нафиков Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, IZNafikov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации национальной политики Турции в области развития военно-промышленного комплекса (ВПК) в контексте кардинального пересмотра подходов к безопасности после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. В исследовании рассматриваются экономические дилеммы развития ВПК, включая поиск оптимального уровня оборонных расходов и анализ дуалистического влияния оборонной промышленности на экономику Турции. На основе анализа глобальных тенденций на рынке вооружений делается вывод о том, что политика Анкары направлена на преодоление структурной зависимости от зарубежных поставщиков и укрепление своих позиций в качестве независимого регионального игрока.

Ключевые слова: Турецкий ОПК, политика безопасности Турции, стратегическая автономия, оборонные расходы, оборонная промышленность и экономический рост, национальная безопасность, БПЛА Bayraktar, геополитика Турции

Для цитирования: Нафиков И. З. Национальная политика развития ОПК в Турции в контексте трансформации внешнеполитических условий после попытки государственного переворота 2016 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 217–223. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of Turkey's defense industry policy after the 2016 coup attempt

I. Z. Nafikov

Kazan (Volga Region) Federal University, 1/55 Pushkin St., Kazan 420111, Russia

[Ilzur.Z. Nafikov](mailto:Ilzur.Nafikov@kpfu.ru), IZNafikov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

Abstract. This article analyzes the transformation of Turkey's national policy regarding the development of its defense industry, set against the backdrop of a fundamental reassessment of security approaches following the attempted coup d'état on July 15, 2016. The research examines the economic dilemmas of defense industry development, including finding the optimal level of defense spending and analyzing the dual impact of the defense sector on Turkey's economy. Based on an analysis of global trends in the arms market, the study concludes that Ankara's policy is focused on overcoming structural dependence on foreign suppliers and strengthening its position as an independent regional actor.

Keywords: Turkish defense industry, Turkey's security policy, strategic autonomy, defense expenditures, defense industry and economic growth, national security, bayraktar uav, geopolitics of Turkey

For citation: Nafikov I. Z. The evolution of Turkey's defense industry policy after the 2016 coup attempt. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 217–223 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-217-223>, EDN: NOMIQW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процессы глобализации, технологического прогресса и резкого увеличения мобильности информации обуславливают рост взаимозависимости и уплотнение взаимосвязей в международном сообществе, что приводит к фундаментальным изменениям в мироустройстве. Географические

границы становятся все более проницаемыми, а подходы к обеспечению безопасности и восприятию угроз претерпевают качественную трансформацию. Способность национальных границ эффективно ограничивать трансграничные угрозы постепенно снижается. В результате проблемы

национальной безопасности приобретают глобальный масштаб, представляя угрозу для всего международного сообщества. Под влиянием вызовов глобализации наблюдается процесс диверсификации и расширения спектра угроз, которые уже не ограничиваются классическим военным противостоянием, а включают кибератаки, экономическое давление, инструменты гибридной войны и манипуляции общественным сознанием [1, с. 223].

Усиление международного взаимодействия в условиях глобализации привело к сокращению зоны безопасности и повышению хрупкости ее структуры. По мере расширения и углубления нового подхода к безопасности, детерминированного интересами глобальной экономической системы, проблема национальной безопасности трансформируется в самостоятельную область, выходящую за рамки традиционных представлений [2, с. 1]. Доступность технологических разработок усилила взаимосвязь различных регионов мира, а формирование глобального информационного поля повысило уязвимость государств. Это активизировало усилия по выведению технологических решений из сферы открытых научно-технических разработок в интересах безопасности. Как следствие, формирование и реализация стратегий безопасности в условиях диверсификации их национальных концепций приобретают многовекторный и комплексный характер.

Геополитические реалии и стратегическое положение Турции, сталкивающейся с проблемами национального единства и сепаратизма, исторически формировали традиционное понимание стратегии безопасности, основанной на принципах кемализма и опиравшейся на сухопутные силы для защиты целостности границ. Однако прозападный внешнеполитический курс Турции во второй половине XX в., выраженный в членстве в НАТО, трансформировал ее внешнеполитические ориентиры. Анкара выразила готовность взять на себя ответственность в рамках международных организаций, интегрировав принципы региональной и глобальной безопасности в национальную концепцию. Определяющую роль в трансформационных процессах сыграли экономико-географическое положение страны и ее региональная роль.

В последние десятилетия Турция перешла к проведению проактивной политики безопасности, отказавшись от традиционной «выжидательной» доктрины, сформулированной еще во времена холодной войны. Используя дипломатические механизмы и рассматривая региональную стабильность как элемент стратегического влияния, Турция позиционирует себя как ответственный актор в обеспечении региональной и глобальной безопасности. Таким образом, произошел концептуальный переход к стратегии, опирающейся на собственное геополитическое значение,

что переориентировало внешнеполитическое планирование от оборонительного изоляционизма к активному участию в региональных процессах.

Переосмысление концепций региональной безопасности стимулировало технологическое развитие в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Национальные оборонительные системы, основанные исключительно на фортификационных решениях и развертывании сил вдоль государственных границ, в значительной степени утрачивают эффективность, требуя масштабного военного присутствия. При этом географические и политические условия не всегда допускают применение военной силы в качестве инструмента обеспечения безопасности. Современные стратегии гибридных войн и методы политико-экономического давления позволяют государствам, находящимся за пределами физических границ, угрожать национальным интересам страны. Исторический опыт свидетельствует, что этнические и религиозные различия, как в случае с Турцией, могут быть использованы для подрыва ее безопасности. В свою очередь, вопросы экономического благосостояния и связанные с ними ограничения становятся инструментом политического давления. В этой связи стратегии обеспечения национальной безопасности включают комплекс мер, направленных на предотвращение широкого спектра рисков и угроз, а планы их реализации требуют гибкости и постоянной актуализации.

Тенденция к международной интеграции оказывает влияние на размывание границ между государствами, увеличивая степень взаимодействия и взаимозависимости в различных сферах, включая военно-промышленный комплекс (ВПК). Последствия глобализации, выражающиеся в перераспределении доходов на внутреннем и международном уровнях, оказывают влияние на внешнеполитическую повестку в контексте развития оборонной промышленности.

Политика концентрации индустриальных центров в определенных регионах мира способствует их укреплению и создает условия для конкурентной борьбы за преимущества, влияя на глобальный баланс сил. Анализ экономико-политических эффектов оборонной промышленности предполагает обращение к государственным расходам в данной области. В докризисный период (2000–2009 гг.) оборонные расходы значительно возросли, достигнув к 2009 г. 1,531 млрд долл. США, во многом вследствие операций НАТО под руководством США в Афганистане и Ираке. Анализ распределения оборонных расходов по странам показывает, что на США приходится 43% глобальных расходов, за которыми следуют Китай, Франция, Великобритания, Россия, Япония, Германия и Саудовская Аравия. Объем международной торговли оружием вырос на 14% в период 2011–2015 гг. по сравнению с периодом 2006–2010 гг.,

достигнув в 2015 г. 1,7 трлн долл. США [3]. Данные Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) свидетельствуют, что объем расходов США на оборону в 2011–2015 гг. был равен сумме расходов 14 следующих за ней стран, включая Китай и Саудовскую Аравию [4, с. 112].

В условиях глобализации растущая взаимозависимость национальных ОПК через транснациональные оборонные инициативы и цепочки поставок создает условия для интеграции национальных субпроизводителей в глобальную сеть даже при отсутствии прямой государственной поддержки. В кризисный период 7 из 10 крупнейших компаний ОПК являются американскими. Несмотря на проблемы с ростом продаж, эти компании сохраняют выгодное положение благодаря своему монопольному статусу и продолжают лидировать. Таким образом, в оборонной промышленности формируется цикл, воспроизводящий лидирующие позиции США. Учитывая рост военных расходов в период кризиса и связанные с этим финансовые трудности развивающихся стран, можно прогнозировать увеличение числа слияний и стратегических альянсов, а также усиление роли государственной поддержки в ОПК.

В посткризисный период отмечается тенденция, согласно которой развивающиеся страны наращивают оборонные расходы, зачастую сокращая инвестиции в образование, здравоохранение и другие социальные сферы [5, с. 27]. Укрепление национального ОПК в долгосрочной перспективе создает для этих стран благоприятные условия как в экономическом, так и в политическом плане, предоставляя большую автономию в принятии международно-политических решений. Таким образом, современная мировая политика побуждает государства проводить самостоятельную политику безопасности, реструктурируя бюджет и привлекая инвестиции. Политика безопасности должна учитывать внутриэкономическую ситуацию, глобальные кризисы и региональные конфликты.

Попытка государственного переворота в июле 2016 г. стала переломным моментом в осознании турецким политическим руководством стратегических рисков, связанных с зависимостью оборонного комплекса от западных поставщиков, прежде всего из стран НАТО. Данное событие актуализировало вопросы национальной безопасности и ускорило реализацию политики стратегической автономии, направленной на создание полностью самостоятельного оборонно-промышленного комплекса. Важнейшим аспектом стало то, что попытка переворота была осуществлена с использованием техники и вооружений, поставленных странами-союзницами по НАТО, что наглядно продемонстрировало уязвимость, проистекающую из технологической и системной зависимости.

До 2016 г. турецкий ВПК характеризовался значительной зависимостью от западных технологий и готовой продукции. Ключевые платфор-

мы, такие как истребители F-16, составлявшие основу парка ВВС Турции, производились по лицензии американской компании Lockheed Martin, что подразумевало жесткие ограничения на модернизацию и экспорт [6, с. 78]. Программы по развитию собственных образцов вооружений, например основного боевого танка «Алтай», сталкивались с непреодолимыми трудностями из-за зависимости от иностранных силовых установок и трансмиссий [7, с. 45]. Критическая зависимость проявлялась и в сфере высокотехнологичных компонентов: системы наведения, авионика и двигатели практически полностью закупались у концернов США и стран ЕС [4, с. 112]. Эта модель делала Турцию уязвимой к потенциальным эмбарго и политическому давлению со стороны союзников по НАТО, что не раз подтверждалось на практике, например в вопросах, связанных с кипрским урегулированием или во время напряженности в отношениях с Израилем.

Как отмечает А. И. Шумилин, на рубеже веков турецкий ВПК находился в состоянии глубокой зависимости от западных, преимущественно американских, технологий и готовых платформ [8, с. 45]. Программы модернизации вооруженных сил, такие как приобретение и лицензионная сборка истребителей F-16, закладывали технологическую базу, но одновременно создавали «структурную ловушку» зависимости от иностранных поставщиков комплектующих и сервисного обслуживания [9, с. 78]. Поворотной точкой, согласно консенсусному мнению среди российских исследователей, стали первые десятилетия XXI в., когда Анкара, не удовлетворенная ограничениями со стороны союзников по НАТО (в частности, запретами на передачу критических технологий), взяла курс на создание национального оборонного комплекса. Однако именно события 15 июля 2016 г. придали этому курсу характер общенационального мобилизационного проекта, получившего беспрецедентное политическое и финансовое обеспечение.

Ключевым элементом этой стратегии стало создание эффективной модели государственно-частного партнерства под эгидой Управления оборонной промышленности (Savunma Sanayii Başkanlığı – SSB) [10, с. 112]. Российские аналитики подчеркивают, что турецкому руководству удалось создать конкурентную среду, в которой частные компании (Baykar, ASELSAN, ROKETSAN) стали драйверами инноваций, в то время как государственные холдинги (TAI, MKE) обеспечивали выполнение крупномасштабных проектов [11, с. 91]. Модель SSB предполагала не просто администрирование, а стратегическое планирование, определение приоритетных технологических направлений и активное лоббирование интересов турецкого ОПК на международной арене. Эта централизованная система управления позволила сконцентрировать ресурсы на критически

важных проектах и минимизировать бюрократические проволочки.

Особое внимание уделяется прорывным направлениям, которые позволили Турции занять нишу на мировом рынке вооружений. Эксперт Центра международной безопасности ИМЭМО РАН С. Иванов анализирует феномен успеха турецкого ВПК, в том числе и ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) семейства Bayraktar, отмечая, что их боевое применение в Сирии, Ливии и Карабахе стало мощным маркетинговым инструментом и доказательством эффективности выбранной модели [12, с. 34]. Успех Bayraktar TB2, по его мнению, был обусловлен не столько уникальными техническими характеристиками, сколько оптимальным соотношением цены, качества и тактико-технических требований, предъявляемых к платформе для ведения ассиметричных боевых действий в условиях локальных конфликтов.

При этом эксперты констатируют, что, несмотря на декларируемую автономию, турецкий ВПК продолжает сталкиваться с системными проблемами, такими как зависимость от импорта авиационных двигателей и других высокотехнологичных компонентов, что вынуждает Анкару искать альтернативных партнеров, в том числе в лице Украины и Великобритании. Это свидетельствует о том, что достижение полной технологической независимости остается сложной, долгосрочной задачей.

После событий 2016 г. политика импортозамещения была переведена в разряд абсолютного национального приоритета и получила беспрецедентное финансирование и политическую поддержку. Управление оборонной промышленности (SSB) инициировало агрессивную программу по разработке критических технологий внутри страны. Результатом стал прорыв в области ударных беспилотных летательных аппаратов: семейство Bayraktar TB2, оснащенный турецкими оптико-электронными системами и системами управления, не только удовлетворил потребности национальных вооруженных сил, но и превратил Турцию в одного из мировых лидеров на рынке БПЛА [13, с. 23]. Были запущены и успешно развиваются амбициозные проекты, нацеленные на полное замещение западных платформ: истребитель пятого поколения TAI TF Kaan, ударный вертолет T929 АТАК 2 и основной боевой танк «Алтай» с национальной силовой установкой [14, с. 90]. Для обхода ограничений на передачу технологий Турция активно диверсифицировала внешнее партнерство, налаживая кооперацию с Украиной (двигатели для БПЛА и вертолетов), Южной Кореей (проект основного боевого танка) и другими странами, не входящими в традиционный западный альянс [15, с. 134].

Таким образом, попытка переворота 2016 г. выступила катализатором, который трансформировал турецкий ВПК из зависимого импортера

в уверенного производителя высокотехнологичных вооружений. Стратегический курс на импортозамещение позволил Анкаре не только значительно повысить свой оборонный суверенитет, но и занять новую, самостоятельную нишу на глобальном рынке вооружений, сократив уязвимость от решений западных партнеров [16, с. 156]. Этот процесс имел не только технологическое, но и глубокое идеологическое измерение, став частью консолидирующей национальной идеи «Великой Турции» (Yüce Türkiye), продвигаемой правящей партией.

Государства стремятся к оптимизации уровня оборонных расходов. Чрезмерное выделение ресурсов на оборону может замедлить экономический рост, тогда как недостаточное финансирование способно создать угрозы суверенитету и стабильности государства [5, с. 27]. На потребность в безопасности влияют такие факторы, как геополитическое положение, экономическая конъюнктура, внешняя политика и международные отношения [17, с. 80]. Согласно теории Макгуайра, оптимальный уровень оборонных расходов, определяемых как общественное благо, достигается тогда, когда сумма предельных выгод равна предельным издержкам [18, с. 109]. На практике этот уровень варьируется в зависимости от геополитической ситуации, исторических связей и типа политического режима.

Например, страны Ближнего Востока в силу своей геополитики относят оборонные расходы к числу наиболее приоритетных статей бюджета. Функция безопасности зависит от приемлемого для страны уровня риска. Считается, что государства максимизируют полезность оборонных расходов при заданном бюджете, адекватно определяя степень угроз и необходимый уровень безопасности. Ключевым фактором является оценка военной угрозы как самому государству, так и его союзникам. В развитых странах уровень оборонных расходов коррелирует с уровнем национального дохода. Следовательно, доля оборонных расходов в ВВП развитых стран демонстрирует меньшую волатильность по сравнению с развивающимися странами [19, с. 329].

Влияние глобализации на стратегии безопасности и экономику актуализирует вопрос о воздействии оборонной промышленности на экономическое развитие государств. После пионерного исследования Эмиля Бенуа (1973) возрос исследовательский интерес к взаимосвязи между оборонными расходами и экономическим ростом [20], что объясняется значительной долей этих расходов в бюджетах многих государств. Сложилось два основных теоретических подхода к данной проблеме.

С одной стороны, оборонные расходы сокращают объем ресурсов, доступных для частного потребления и инвестиций, государственных социальных программ и других продуктивных статей расходов, что тормозит экономический рост.

Этот эффект «вытеснения» (crowding-out) особенно заметен в странах с ограниченными бюджетными возможностями. С другой стороны, учитывая мультипликативные эффекты со стороны спроса и предложения, оборонные расходы могут стимулировать экономическое развитие. Со стороны спроса они способствуют снижению безработицы и росту совокупного спроса. Со стороны предложения – обеспечивают создание общественной инфраструктуры, способствуют развитию человеческого капитала (через здравоохранение и образование), а также генерируют положительные экстерналии для частного сектора благодаря научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР) и трансферу технологий. Так называемый «спин-офф» (spin-off) – перенос военных технологий в гражданские отрасли – сыграл ключевую роль в технологических прорывах XX в., от интернета до GPS.

В долгосрочной перспективе развитие национального ОПК снижает внешнюю зависимость и сокращает отток иностранной валюты [5, с. 27]. Поскольку цены на оборонные системы имеют тенденцию к росту, удовлетворение потребностей за счет импорта создает растущее финансовое бремя. Для его покрытия правительства могут прибегать к повышению налогов, что может провоцировать инфляционное давление и ухудшать условия жизни [17, с. 80]. Успешная реализация инвестиций в ОПК формирует в стране атмосферу доверия и стабильности, являющуюся необходимым условием для привлечения инвестиций и экономического развития [20]. Стратегические инвестиции в ОПК оказывают положительное влияние на смежные отрасли (металлургия, машиностроение, электроника), обладающие высоким коэффициентом обратной связи, что стимулирует всю экономику [5, с. 27].

В случае Турции наблюдается дуалистический эффект. С одной стороны, масштабные инвестиции в ОПК после 2016 г., несомненно, создали фискальную нагрузку и, возможно, ограничили финансирование социальных программ. С другой стороны, они стимулировали развитие высокотехнологичных секторов, способствовали росту экспорта и создали тысячи высококвалифицированных рабочих мест, что в долгосрочной перспективе может перевесить краткосрочные издержки.

Оборонные расходы представляют собой финансовые ресурсы, направляемые государством на обеспечение национальной обороны. Ориентированная на результат способность определяется как оборонный потенциал, а затраты на его создание и поддержание составляют суть оборонных расходов. В широком смысле, это доля национального дохода, выделяемая для защиты от потенциальных угроз. В практическом плане оборонные расходы включают в себя закупку и производство вооружений и военной техники, их техническое

обслуживание и ремонт, строительство объектов инфраструктуры, финансирование НИОКР, а также содержание военного и гражданского персонала [21, с. 487]. К ним также относятся затраты на снабжение вооруженных сил и иных силовых структур (полиция, жандармерия) продовольствием, обмундированием и сырьем.

Выделяют четыре ключевых детерминанта оборонных расходов, находящихся на стыке политики и экономики: безопасность, технологический, экономический и политический факторы. Оптимизация уровня расходов зависит от точной оценки угроз и определения приемлемого уровня риска. Нестабильность в данном секторе способна отпугнуть потенциальных инвесторов, что подчеркивает важность безопасности как основы для развития.

Для экономической оценки турецкого ОПК анализируются ежегодный оборот, объемы экспорта и импорта, расходы на НИОКР и показатели конкурентоспособности. Динамика общего оборота сектора с 1998 по 2010 г. демонстрирует общий рост, несмотря на снижение на 12% в 2000 г. (до 852 млн долл. США) вследствие ослабления террористической угрозы и влияния экономического кризиса 2001 г. К 2014 г. оборот достиг 5101 млн долл. США, а в 2015 г. составил 4908 млн долл. США. Снижение на 2% в 2015 г. объясняется стагнацией внутреннего рынка и замедлением роста экспорта. В результате совокупный годовой темп роста (CAGR) снизился с 5% (2010–2014) до 3,2% (2010–2015) [22]. Однако после 2016 г. тенденция кардинально изменилась. Согласно отчетам SSB, оборот сектора к 2023 г. превысил 10 млрд долл. США, а объем экспорта устойчиво рос, достигнув рекордных показателей.

После 1998 г. на фоне роста глобальных оборонных расходов увеличился и экспорт турецкого ОПК. Основными рынками сбыта являются страны Персидского залива и Дальнего Востока, за которыми следуют тюркоязычные республики и государства Северной Африки [23]. Согласно исследованию Ассоциации производителей оборонной и аэрокосмической промышленности (SASAD), географическая структура экспорта в разбивке по регионам выглядит следующим образом: Америка – 36%, Европа – 26%, Ближний Восток – 19%, Дальний Восток – 13%, Африка – 4%, Южная Америка – 1% [24, с. 58]. Наибольшая доля в экспорте принадлежит авиационно-космической подотрасли, за которой следуют наземные транспортные средства, электроника и вооружение [24, с. 58]. После 2016 г. география экспорта значительно диверсифицировалась, а драйвером роста стали ударные БПЛА, которые были поставлены в Украину, Польшу, страны Ближнего Востока и Африки.

Доход от зарубежных продаж в 2015 г. составил 1929 млн долл. США. При этом поставки в Америку сохранились на уровне 585 млн долл. США (+0,1% к 2014 г.), в Европу сократились

до 330 млн долл. США (-21%), а в страны Ближнего Востока, Азии, Африки и Южной Америки выросли до 1014 млн долл. США (+18%). Совокупный годовой темп роста (CAGR) экспорта за период 2010–2015 гг. составил 18%. Турция традиционно является одним из крупнейших импортеров вооружений в мире. Однако наметилась тенденция к его сокращению: если в 2014 г. объем импорта составил 1351 млн долл. США (+2% к 2013 г.), то в 2015 г. он снизился до 1067 млн долл. США (-21%). Данная динамика свидетельствует о положительном эффекте политики импортозамещения («локализации»). В региональной структуре импорта за 2015 г. доля США составила 38% (410 млн долл. США), Европы – 48% (511 млн долл. США), других стран – 14% (146 млн долл. США) [22]. После 2016 г. зависимость от импорта продолжила снижаться, хотя в критически важных областях, таких как авиационные двигатели, она остается высокой.

Развитие ОПК Турции оказывает значительное влияние на рынок труда, создавая спрос на высококвалифицированные кадры. В 2003 г. общая численность занятых в секторе составляла 45 000 человек, из которых 48% работали на объектах военного производства. К 2008 г. общая занятость возросла до 57 000 человек, при этом доля занятых на военных производственных объектах снизилась до 33%, что свидетельствует о перераспределении кадров в пользу частного сектора. По данным на 2015 г., общая численность занятых в ОПК составила 31 375 человек. Профессиональная структура кадров выглядит следующим образом: инженеры – 34%, управленцы – 6%, технические специалисты – 40%, прочий персонал – 9%. Высокая доля инженерно-технических работников (74%) указывает на высокую интенсивность опытно-конструкторских работ и технологическую сложность продукции [25]. К 2023 г. численность персонала, занятого в секторе, по разным оценкам, превысила 75 000 человек, а доля инженеров и техников оставалась на высоком уровне, что соответствует курсу на создание наукоемкой, а не трудоемкой промышленности.

В мировом рейтинге экспортеров вооружений (2001–2014 гг.) Турция занимает 19-е место. Ключевыми импортерами турецкой оборонной продукции являются Саудовская Аравия (совокупный экспорт в 2004–2014 гг. составил 230 млн долл. США), ОАЭ (120 млн долл. США в 2014 г.) и Туркменистан (140 млн долл. США в 2011–2014 гг.). В свою очередь, основным поставщиком вооружений для Турции в период с 1970 по 2014 г. были США с долей в 52% от общего объема импорта (24 млрд долл. США). За ними следуют Германия (10,041 млрд долл. США), Великобритания и Италия. Импорт из России и Испании в указанный период был незначительным, несмотря на их значительные объемы поставок вооружений на мировой рынок.

Таким образом, оборонная промышленность оказывает комплексное влияние на экономику, в частности на платежный баланс. Развитие техники и вооружений ведет к росту военных расходов. Если потребности не могут быть удовлетворены за счет внутреннего производства и покрываются импортом, это оказывает негативное краткосрочное влияние на платежный баланс. Инвестиции в создание ОПК также могут иметь отрицательный эффект на начальном этапе. Однако в долгосрочной перспективе локализация производства вооружений и техники способствует повышению экспортного потенциала и оказывает положительное влияние на платежный баланс. Турецкий опыт наглядно демонстрирует эту трансформацию: от хронически отрицательного сальдо в торговле продукцией ОПК страна перешла к его устойчивому положительному значению, что является редким достижением для государства, не входящего в клуб традиционных производителей вооружений.

В целом попытка государственного переворота 2016 г. стала критическим переломным моментом в эволюции турецкой политики безопасности и развития оборонно-промышленного комплекса. Это событие ускорило уже наметившийся переход от стратегии зависимого партнерства в рамках НАТО к курсу на стратегическую автономию, основанную на создании самодостаточного национального ВПК.

Трансформация турецкого ОПК после 2016 г. характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, это беспрецедентная политическая и финансовая концентрация усилий на импортозамещении, которая позволила добиться прорывных результатов в таких областях, как производство ударных БПЛА, средств ПВО и бронетехники. Во-вторых, была выстроена эффективная модель управления через Управление оборонной промышленности (SSB), сочетающая стратегическое государственное планирование с гибкостью и инновационностью частных компаний. В-третьих, произошла значительная диверсификация внешних партнеров и рынков сбыта, что снизило уязвимость Турции от санкционного давления со стороны традиционных западных союзников.

Экономический анализ показывает двойственное воздействие развития ОПК на экономику Турции. С одной стороны, масштабные оборонные расходы создают фискальную нагрузку и несут в себе риски «вытеснения» инвестиций из гражданских отраслей. С другой стороны, они стимулируют высокотехнологичные сектора, способствуют росту экспорта, созданию высококвалифицированных рабочих мест и в долгосрочной перспективе улучшают платежный баланс страны.

Несмотря на впечатляющие успехи, турецкий ВПК продолжает сталкиваться с системными вызовами, главным из которых остается

ся зависимость от импорта критически важных компонентов, таких как авиационные двигатели и некоторые электронные системы. Преодоление этой зависимости является следующей стратегической задачей Анкары. В целом опыт Турции в развитии оборонной промышленности после 2016 г. представляет собой уникальный case study трансформации страны из зависимого импортера в уверенного регионального и глобального игрока на рынке вооружений. Этот успех стал возможен благодаря сочетанию политической воли, эффективной модели государственно-частного партнерства и умелого использования возможностей, открывающихся в условиях меняющейся архитектуры глобальной безопасности.

Список литературы

1. Аватков В. А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 543–554.
2. Başar S. Savunma Harcamalarının İktisadi Büyümeye Etkisi // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2012. Sayı 10. S. 1–30.
3. SIPRI Military Expenditure Database 2017 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 06.05.2018).
4. SIPRI Yearbook 2016: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford : Oxford University Press, 2016. 489 p.
5. Zekey A. H. Savunma Sanayi Yatırımlarının Ekonomi Üzerine Etkileri // Kara Harp Okulu Bilim Dergisi. 1999. Sayı 2. S. 27–49.
6. Aydın M. Turkish Defense Procurement: Dependency and Autonomy in the Cold War Era. Ankara : ASAM Publishing, 2017. 210 p.
7. Özcan G. The Altay Tank Project: Challenges of Indigenous Design // Journal of Defense Studies. 2015. Vol. 12, № 1. P. 40–58.
8. Шумилин А. И. Военная промышленность Турции: от зависимости к самостоятельности? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59, № 5. С. 44–52.
9. Кузнецов А. В. Турецкий «щит»: развитие системы ПВО и ракетных технологий в Турции // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 4 (865). С. 76–84.
10. Yüzbaşıoğlu N., Atıyeva Ü. Исмаил Демир: мягкая сила важна, но недостаточна. Глава управления оборонной промышленности Турции поделился видением развития отечественного ВПК // Информационное агентство «Анадолу». URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/исмаил-демир-мягкая-сила-важна-но-недостаточна/2137373> (дата обращения: 02.10.2025).
11. Иванов С. М. Оборонно-промышленный комплекс Турции на современном этапе // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 5. С. 17–20.
12. Гузаеров Р. И., Шарафутдинов Д. Р. Беспилотная дипломатия Турции // Свободная мысль. 2021. № 4 (1688). С. 93–98.
13. Yılmaz B. The Rise of Turkish Drones: From Concept to Global Export Success // Defense & Security Analysis. 2022. Vol. 38, № 1. P. 20–40.
14. Turkish Defense Industry Annual Report 2023. Ankara : Presidency of Defense Industries (SSB), 2023. 115 p.
15. Ulusoy H. New Alliances and Technology Transfer in Turkish Defense Procurement // Contemporary Security Policy. 2020. Vol. 41, № 3. P. 445–468.
16. Karakoç S. Strategic Autonomy and Turkish Defense Industry in the Post-2016 Era. Istanbul : Kadir Has University Publications, 2022. 188 p.
17. Soner V. Türk Savunma Sanayinin Silahlı Kuvvetlerin Modernizasyonuna ve Ekonomiye Etkileri : Yüksek Lisans Tezi. Kocaeli, 1997. 80 s.
18. McGuire M. C. The Structure of Choice Between Security and Spending // Journal of Conflict Resolution. 1982. Vol. 26, № 2. P. 109–138.
19. Looney R. E., Frederiksen P. C. Defense Expenditures, External Public Debt and Growth in Developing Countries // Journal of Peace Research. 1986. Vol. 23, № 4. P. 329–338.
20. Benoit E. Defense and Economic Growth in Developing Countries. Lexington : Lexington Books, 1973. 300 p.
21. Faini R., Annez P., Taylor L. Defense Spending, Economic Structure, and Growth: Evidence among Countries and Over Time // Economic Development and Cultural Change. 1984. Vol. 32, № 3. P. 487–498.
22. Odabaşoğlu S. Türkiye ve Avrupa Birliği Savunma Sanayii Savunma Gelişimi Çerçevesince Türkiye'nin Seçilmiş Bazı Avrupa Birliği Ülkeleri İle Arasındaki Savunma Harcamaları Ekonomik Büyüme İlişkisine Ampirik Yaklaşımı : Yüksek Lisans Tezi. Kütahya, 2012. 110 s.
23. Canbay Ş. Savunma Harcamalarının ve Savunma Sanayinin Makro Ekonomik Etkileri ve Türkiye Örneği : Yüksek Lisans Tezi. Sakarya, 2010. 95 s.
24. Demirkol M. Savunma Sanayi 2010 Yılı Hedeflerini Aştı // Savunma ve Havacılık Dergisi. 2011. Cilt 25, Sayı 143. S. 58–64.
25. Beyoğlu B. E. Türk Savunma Sektörünün Yarısalı Analizi ve Sanayileşme Model Önerisi : Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. 120 s.

Поступила в редакцию 02.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 10.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 02.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 10.01.2026; published 30.06.2026